

А. В. САХАРОВА

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАЦИЙ
НА ПРИЧАСТНЫЕ И ФИНИТНЫЕ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ**

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется серьезное внимание в исторической русистике.

Как известно, восточнославянские краткие (нечленные) причастия пошли по пути изменения своих синтаксических функций от подчиненности имени к подчиненности финитному глаголу, потеряв при этом склонение, а позднее и согласование по роду. Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически некорректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин *краткое причастие* (видимо, потому, что в некоторых текстах форма согласование сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

Но прежде чем перейти к дальнейшему описанию функционирования русского краткого причастия действительного залога, необходимо дать некоторые общие сведения о синтаксических и дискурсивно-прагматических особенностях функционирования деепричастий (и причастий в адвербиальном употреблении).

**1. Синтаксис и дискурсивные функции деепричастий
(и причастий в адвербиальном употреблении)**

Обычно когда говорят о деепричастии, его определяют как глагольную форму, чья главная функция — маркирование обстоятельственно подчиненной синтаксической группы, т. е. такой, которая не обозначает актанта глагола и не является определением [Haspelmath 1995: 3; Nedjalkov 1995: 97]. Единицы, возглавляемые причастиями и деепричастиями, считают синтаксически подчиненными именно на том основании, что там употреблена не-

финитная репрезентация глагола. (Напомним, что для языков европейского стандарта нефинитными называются глагольные формы, не имеющие показателей личного согласования, времени, наклонения.)

Считается, что поверхностно-синтаксическое подчинение имеет pragматический, когнитивный смысл. Дискурс имеет ядерную структуру, где одна информация в большей степени соответствует глобальной риторической цели говорящего / пишущего (пересказать, описать, объяснить нечто и т. п.), а другая — в меньшей, и этой менее важной, второстепенной информации и соответствуют приблизительно подчиненные предикативные единицы [Lakoff 1984; Matthiesen, Thompson 1988; см. также Tomlin et al. 1997: 91—92].

Для этого противопоставления основной и второстепенной информации используют обычно термины *foreground* и *background*, которые принято переводить как *передний план* и *задний план*, или *фон*, соответственно.

Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях положений дел, причем в той последовательности, в которой они реально происходили. Поэтому основным, передним планом в нарративе называют собственно линию повествования, т. е. предикации, описывающие происходившие одно за другим события, где характер следующего события в той или иной степени определен обстоятельствами предыдущего [Hopper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по: Wårvik 2002: 29)]. Таким образом, не принадлежащими нарративной последовательности (недвигающими изложение вперед) считают предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной последовательности и вообще хронологически на них накладывающиеся, а также предикации, представляющие собой pragматические презумпции — отсылки к уже сообщенной информации.

Обстоятельственные предикации (в том числе и причастные, и деепричастные), если они обозначают перфективные ситуации и не представляют собой пресуппозиционных отсылок назад, таким образом, следует относить к линии нарративной последовательности [Dry 1981 и 1983; цит. по: Wårvik 1994: 29]: несмотря на то что они подчиненные, онидвигают изложение вперед¹.

Но важно отметить, что существует еще один критерий деления информации в нарративе на уровни, когда принадлежность предикации к переднему плану понимают как ее важность, или выделенность (*importance*,

¹ Считают, что у предикаций нарративной последовательности должна быть еще одна характеристика: события должны быть отражены иконически, без инверсий. Но инверсия, нарушение иконического порядка, сама есть формально-синтаксическое средство выражения, а не дискурсивная характеристика контекста. Одним из распространенных средств маркирования инверсии является и превращение передвигаемой предикации в подчиненную (в том числе и деепричастную). Но даже если мы сочтем, что употребление деепричастия при инверсии диктуется синтаксическим правилом, возникнет вопрос о том, каким дискурсивным фактором вызвана сама инверсия.

saliency). При этом выделенность может осознаваться как прагматическая характеристика предикации — ее неожиданность, нестереотипность по сравнению с другими; одним из средств языкового кодирования такой прагматической выделенности может быть длина или степень сложности предикативной единицы [Polanyi, Horper 1981]. При таком прагматическом подходе к переднему плану повествования также безусловно относят и предикативные единицы, сообщающие центральную, ключевую с точки зрения жанра и сюжета информацию [Polanyi, Horper 1981; Chafe 1987].

Финитные предикации в таком случае считают более прагматически выделенными по сравнению с нефинитными². Так, в греческом языке Евангелия употребление обстоятельственных причастных оборотов называют средством выделения следующей после такого оборота финитной предикации, обозначающей некое ключевое для небольшого фрагмента событие [Longacre 1983: 30—34].

Логично предположить, что и распределение славянских причастий могло подчиняться закономерностям в том числе и такого плана, но прежде чем рассуждать о дискурсивных функциях древнерусского причастия, напомним и о том, каковы были синтаксические особенности его функционирования.

2. Древнерусское краткое причастие

Древнерусские краткие причастия действительного залога (далее речь пойдет только о них) издавна привлекали внимание исследователей благодаря в первую очередь своему особому синтаксису. Как известно, претеритное *и*-причастие традиционно употреблялось для обозначения действия, предшествующего обозначенному финитным глаголом, от которого оно зависело, а презентное *и*-причастие — одновременного действия [Růžička 1963: 82—83; Борковский, Кузнецов 1965: 318—319; Лопатина 1978:

² Глагольные репрезентации, где не выражены некоторые грамматические категории, обязательно выражаемые в независимых предикациях, также называют иногда редуцированными [Haiman, Thompson 1984; Haiman 1985: 196 ff.]. Однако в первую очередь этот термин следует отнести к таким деепричастиям агглютинативных языков (некоторых северокавказских, тюркских и др., см. выборку [Калинина 2001: 79—91]), которые имеют нулевой аффикс и поэтому могут трактоваться как чистые основы презенса или претерита (к которым не присоединены показатели лица или какой-то иной обязательно выражаемой в финитном глаголе категории). Употребление деепричастий как редуцированных глагольных форм объясняют просто действием механизма экономии языковых средств: в языке есть общая тенденция не повторять информацию, которая предсказуема или известна, поэтому и появление редуцированных предикаций есть результат своеобразного эллипсиса: в случае объединения серии глаголов по каким-то признакам, которые в данном случае оказываются важными, у всех глаголов, кроме одного, эти признаки оказываются не отмечены [Haiman, Thompson 1984].

108—109; Кузьмина, Немченко 1982: 292]. В «гибридных», т. е. соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, древнерусских текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же подлежащим, от которого их можно было бы считать зависимыми³. Специфический летописный синтаксис причастий объясняют и тем, что списчик мог недостаточно владеть грамматикой церковнославянского причастия, и тем, что подобный синтаксис причастия мог стать осознанно воспринимаемой нормой, свойственной определенному кругу письменных жанров [Алексеев 1987б: 44]⁴.

Однако факторы, могущие обуславливать само распределение предикаций на оформленные финитными глаголами и причастными оборотами, почти не исследовались. Летописные причастные обороты в именительном падеже, осознаваемые как особое синтаксическое явление, именно поэтому получили, как известно, специальное название «второстепенные сказуемые» [Потебня 1958: 185—187]. Термин этот стал для большинства отечественных исследователей метафорическим обозначением того, что подоб-

³ Обороты с краткими причастиями в именительном падеже имели ряд и других синтаксических особенностей употребления, в целом не характерных для старославянских текстов, которые сближали их с финитными глаголами [Потебня 1958: 185—186; Истрина 1923: 73; Лопатина 1978: 115; Алексеев 1987а]. Так, следует отметить «глагольный» порядок слов, когда подлежащее главной предикации находится внутри составляющей с причастием во главе (типа *на ель ворона взгромоздясь*), и наличие сочинительного союза между причастным оборотом и финитным глаголом (*вставь и рече; иде, а оставивъ*). Точно так же в восточнославянских текстах не действовали синтаксические ограничения на употребление дательного самостоятельного [Белоруссов 1899; Сабенина 1978; Борковский, Кузнецов 1965].

⁴ Напомним также о том, что представляла собой литературная норма для языка средневековой Руси и какие механизмы действовали при порождении книжных текстов [Живов 1995; 1998]. Обучение книжному языку (разумеется, достаточноциальному от разговорного на всех уровнях) могло включать в себя изучение орфографии, но на синтаксическом уровне никакие правила не формулировались. Навыки владения книжным языком формировались опытом чтения. Поэтому, создавая тексты, от которых требовалось хотя бы формальное сходство с образцами, авторы нередко переосмысливали специфически книжные элементы и конструкции, не имеющие соответствий в их разговорном языке, в тех категориях, которые были им доступны. А одно такое переосмысление могло уже стать для последующих читателей подобием прецедента, легализующего это отклонение. Закономерности употребления причастий некоторых глаголов, разобранных в работе [Сахарова 2007], заставляют предположить, что действием подобного механизма переинтерпретаций (когда причастие определенного глагола может быть осознано как категория, привязанная к определенным содержательным контекстам, но не ограниченная синтаксически) и объясняется появление и «прогрессирование» синтаксических черт финитного глагола у краткого причастия.

ного рода предикации хотя и похожи на глагол («сказуемые»), но имеют меньшую важность с точки зрения организации дискурса (второстепенны) [Истрин 1923; Борковский, Кузнецов 1965; Стеценко 1972; Лопатина 1978; Кузьмина, Немченко 1982]. Второстепенность называли и свойством современных русских деепричастных оборотов [Шахматов 1929/2001]⁵.

Дискурсивной функцией дательного самостоятельного в работах последних лет точно так же называют дискурсивную второстепенность (backgrounding) и отмечают, что в поздних восточнославянских текстах он теряет это значение и превращается просто в стилистическое средство [Worth 1994: 33; Corin 1995: 259—260].

При исследовании распределения предикаций на причастные и финитные для отдельных глаголов подтверждается, что его критерии по большей части (но не во всем) совпадают с критериями выделения фона повествования; так, для стативных глаголов в контекстах, фоновых по аспектуальному критерию (если нет иных особых факторов: противопоставлений, разъяснений), используются именно обороты с *щ*-причастием, а не имперфект [Сахарова 2007].

Сложнее с *и*-причастиями — им даже гипотетически нельзя приписать одну конкретную дискурсивную функцию. Отмечалось, что в старославянском Евангелии краткое причастие может «строить мост к предшествующему повествованию» [Růžička 1963: 19], т. е. использоватьсь в презумпционных контекстах (что логично, так как в этой же функции могли появляться и причастия греческого Евангелия [Longacre 1983: 34])⁶.

Функция маркирования прагматически невыделенных, ожидаемых сочетаний также, видимо, должна была быть свойственна краткому причастию. По крайней мере известно, что *и*-причастия некоторых глаголов (если речь идет не о презумпционном контексте) могут появляться в нарративе, в основном тогда, когда следующая ситуация принадлежит некоему конкретному типу — своему для глаголов каждого лексического класса [Сахарова 2005; 2007].

⁵ Часто, говоря о значении восточнославянских причастных оборотов, исследователи перечисляли те смысловые связи, в которых могут находиться причастная и главная предикации (или вообще причастная и ближайшая финитная): обычный причастный оборот может быть для главной предикации обстоятельством времени, причины, образа действия, условия (см., например, [Руднев 1959: 93—100; Večerka 1961: 116—118; Лопатина 1978: 107]), равно как и уточнением или разъяснением уже сообщенной информации; дательный самостоятельный является чаще всего обстоятельством времени или причины [Белоруссов 1899: 78—82; Борковский, Кузнецов 1965: 483; Сабенина 1978: 420; Worth 1994: 39]. Однако очевидно, что наличие этих связей не обязательно, они имеют место просто в силу лексической сочетаемости конкретных слов, а не являются «значениями» причастного оборота как синтаксической трансформации.

⁶ *И*-причастиям же стативных глаголов такая функция, видимо, не свойственна [Сахарова 2007].

На закономерности употребления *и*-причастия такого рода мы хотим обратить внимание и в данной статье. При этом для подтверждения или опровержения тех или иных гипотез в таких случаях недостаточно просто иллюстративного материала — следует сравнить, как употребляются причастные и финитные формы в контекстах, характеризуемых различными значениями дискурсивных параметров (т. е. в первую очередь pragматической выделенности предикаций по отношению к соседним), а также в контекстах, различных с формально синтаксической точки зрения.

Характеризуя тот или иной контекст, в котором мы изучаем допустимые способы оформления, следует также отмечать и синтаксические свойства предикативной единицы по ряду причин. Если бы в летописном языке существовали жесткие синтаксические ограничения на употребление кратких причастий (как в современном литературном русском — на употребление деепричастий), то, однажды оговорив эти ограничения, можно было бы сосредоточиться на изучении способов оформления предикаций только в тех контекстах, где синтаксические правила допускают оба способа оформления (т. е., например, для современного литературного русского — на контекстах типа *встав, сказал / встал и сказал*).

Такого рода строгих ограничений в летописном языке, как уже говорилось, не было, однако и свободно варьирующихся (с точки зрения синтаксиса) с финитными формами причастия летописных текстов более ранней эпохи все же называть нельзя: такие переинтерпретации традиционных церковнославянских синтаксических правил, как, например, именительный самостоятельный, в них все же нечесты. Точнее было бы сказать, что вместо стопроцентных синтаксических ограничений мы в данном случае имеем дело просто с некоторыми тенденциями — факторами синтаксического плана (способствующими тому, чтобы предикация была оформлена определенным образом), с которыми факторы дискурсивного плана могли вступать в более или менее успешную конкуренцию. (При этом могло происходить и так, что тенденции употреблять причастия определенных глаголов в определенном pragматическом или даже узком лексическом контексте «перекрывали» действие синтаксических правил их функционирования [Сахарова 2007].)

Данная работа представляет собой еще один из примеров исследования закономерностей употребления причастий определенных глаголов в летописном языке. В ней проведен анализ всех употреблений причастных и финитных форм группы однокоренных и семантически близких глаголов совершенного вида *яти, изяти, възяти, пояти и приняти* в одном конкретном тексте — Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода⁷ по изданию [НПЛ 1950].

⁷ Он имеет средние размеры, 264 листа в оригиналe (т. е. он не настолько велик, чтобы с ним было очень трудно работать, и не настолько мал, чтобы употреблений наиболее частотных глаголов было недостаточно, чтобы делать выводы); начальная его часть принадлежит древнейшему периоду истории письменного языка, когда

3. Распределение предикаций на причастные и финитные для исследованных глаголов

Обратим внимание на то, что все изучаемые глаголы — совершенного вида и обозначают моменты состояний определенного типа. Это значит, что они не образуют *щ*-причастий, а только *ш*-причастия (и вообще предикации с ними не могут быть фоновыми по аспектуальному критерию). Забегая вперед, заметим также, что для всех этих глаголов в исследуемом тексте несвойственно образование дательного самостоятельного, но только причастных оборотов в именительном падеже.

Яти

В НПЛ данный глагол не очень употребителен и значение его узко: прямым объектом обозначаемого им действия («схватить», «задержать») почти всегда является одушевленное лицо (в других текстах возможен, впрочем, более широкий круг значений [Срезневский, III: 1670]).

Когда предикация с данным глаголом является последней из относящихся к одному подлежащему, употребляются только финитные формы (т. е. именительных самостоятельных с данным глаголом в исследуемом тексте нет), поэтому остановимся подробно только на синтаксически традиционных для *ш*-причастия контекстах.

В этих контекстах ограничения на употребление причастия глагола *яти* оказываются достаточно просты. Когда глагол имеет то же прямое дополнение, что и глагол, обозначающий следующую ситуацию (при этом можно сказать, что данная и следующая ситуации сочетаются ожидаемым образом: взяв человека, логично его же подвергнуть еще какому-то воздействию), он может оформляться как *ш*-причастием, так и финитно. Причастных примеров всего четыре:

И приплыша ко Цесарограду, и многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъже имше пѣнники, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху [6480];

Учащу же ему въ церкви, архиерѣи и книжнici исполнiша зависти, и искаху убити и, имше, ведоша и къ игѣмону Пилату [речь Философа];

И пакы вси хотяху Радиноса; он же не хотяше царства, и скрыся от них, измѣнивъся въ черныя ризы; а жену его, емше, приведоша въ святую Софью и много нудиша ю: «повѣжь намъ: гдѣ есть муж твои» [6712];

⟨...⟩ глаголаху предстоящии: «Михаиле, се убииши от цесаря идут убивать вас; поклонитася и жива будета» ⟨...⟩ Тогда же убии, приѣхавши, скочивши с конь, и яша Михаила и растягоша и, имше за руцѣ, и начаша и бити руками по сердцу, и повергноша и ницъ [6753].

параметры литературного языка, в том числе изучаемый, только формировались. Разумеется, в текстологическом отношении он достаточно неоднороден, но на данном этапе исследований принимать во внимание эту неоднородность не имеет смысла.

В остальных примерах (а именно в 12) в подобном контексте употребляются финитные формы исследуемого глагола:

Янь же, виша въ град къ бѣлозерчемъ, и рече имъ: «аще не имете волхву сею, не иду от васъ за лѣто». Бѣлозерци же, шедши, яша их и приведоша к нему [6576];

*⟨...⟩ согаша бо, яко Святополкъ у города со плесковици; и выступиша весь град къ Синилицию, и не бысть ничто же, а Святославлю прияша в Новѣгородѣ с лучшими мужи, а **самого Святослава яша на пути смолнянѣ и стрѣжсаху его на Смѣдѣнѣ** [6646];*

⟨...⟩ оттолѣ вѣспятиша назадъ князь Святославъ в Русь, и уразумѣвъ, яко сии согаша имъ; они же вгониша въ Плесковъ и яша Вячеслава Горислаца, и бивши его, оковаша [6740];

*Чюдь даша плеши; и гонящиша билѣ на 7 верѣсть по леду до Соболичь-каго берега; и паде Чюди бецисла, а Немѣцъ 500, а **иных 50 руками яша и приведоша в Новѣгород** [6751];*

Тогда же убици, приѣхавши, скочивши с конь, и яша Михаила и растягояша и, имиша за руцѣ, и начаша и бити руками по сердцу [6753] и т. д.

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию (притом какую угодно), не имеет того же прямого дополнения, глагол *яти* оформляется только финитно. Всего таких примеров пять:

*⟨...⟩ събраша чернь, и въльчаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаремъ поставят ⟨...⟩ **Потом же яша человѣка, именемъ Николу, воина нарочита, и на того възложиша вѣнецъ безъ патриарха** [6712];*

Тогда же бояре, убоявшеся введенія Фрягъ, сдумавши с Муръчюфломъ, яша цесаря Исаковица и на Муръчюфла вѣнецъ возложиша [6712];

*⟨...⟩ заутра убиша Смена Борисовица въ 9, на зачатие святыя Анны, а домъ его розграбиша всь и села его, а **жену его яша, а самого погребоша в монастыри святого Георгия** [6738];*

*Новгородци же изидоша вси полкомъ противу, на озеро Ильмеръ; князь же Копоры отступиша, а новгородци князю путь показаша, **а не яша его, а дѣци его и бояры его с женами и с дѣтми приведоша в Новѣгород в таль** [6790];*

*⟨...⟩ на Душилца, на Липиньскаго старосту, тамо послана грабить, а **самого хотѣша повѣсити, ны ускочи къ Ярославу; а жену его яша, ркующе тако: яко «ти князя на зло подводят»** [6735].*

Имеется всего один пример⁸ на такой контекст, где прямым объектом глагола *яти* является предмет, а не человек, предикация с глаголом *яти* оформлена *и-причастием*:

⁸ Еще одним исключением является употребление глагола во фразеологическом сочетании *яти веру*, где он оформляется финитно: *Глаголашетъ бо, яко провѣде вся, и хуляшетъ вѣру крестиянську, и тако глаголаше, яко «приеду по Волхову пред*

Посем же, вземие Глбба в рацб камени, въставиша на сани; имише за ужса, везоша и [6580].

При этом глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет другое прямое дополнение (*сани*), но все же совпадение дополнений в данном примере представить можно, поэтому его нельзя назвать исключением из правила.

Статистика распределения форм на причастные и финитные для данного глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 1.

Таблица 1

Предикация	<i>и</i> -причастие в им. п.	Финитно
Следующий глагол имеет то же прямое дополнение	4 (25%)	12 (75%)
Следующий глагол не имеет того же прямого дополнения	—	5

Изымати

Данный глагол имеет значение «схватить, задержать» [СлДРЯ XI—XIV вв., IV: 8], прямым объектом обозначаемого действия (так же, как и *яти*) в НПЛ оказывается только одушевленное лицо⁹.

Так же, как и в случае *яти*, именительных самостоятельных с данным глаголом в исследуемом тексте нет, поэтому остановимся подробно только на тех синтаксических контекстах, где возможно появление *и*-причастия, т. е. где предикация с данным глаголом является не последней из относящихся к одному подлежащему.

Ограничения на употребление причастий данного глагола похожи на ограничения для *яти*: в таком контексте, где глагол имеет то же прямое дополнение, что и глагол, обозначающий следующую ситуацию (при этом можно сказать, что ситуации сочетаются ожидаемым образом), он может оформляться как *и*-причастием, так и финитно. Причастных примеров всего четыре:

Устрѣлиша Яроплока въ городѣ и бѣ имъ вѣликая бѣда и предаиша новоторжьци, а Ярополка (Всеволодъ) изымавъ окова и веде съ собою [6689];

⟨...⟩ «не ими, княже, вѣры брати наю, свѣтилися суть съ черниговьскими князи», и тѣмъ е облици рязаньстии князи. И Всеволод изымавъ мужи ихъ, и исковавъ, послѣ е въ Володимиръ, а самъ поиде съ новгородци [6717];

всѣми людьми». И бысть мятежъ въ градѣ великъ, и вси яша ему вѣру, и хотяху побити епископа Федора [6576].

⁹ В отличие от *яти*, он употребляется не во всей летописи (первое появление в статье 6643 года).

*Тимофеевича и Григорью Щебелкова и иных нѣколько ту мужъ паде и инѣи побѣгоща **а иныхъ изимавъ** на Тѣбръ поведе полонъ мужеи и женъ бещисла множество [6880];*

*⟨...⟩ по грѣхомъ нашим побѣжсень бысть князь великии; **изымавше его Тотарове, и ведоша его во Орду, а с нимъ князя Михаила Ондрѣевича и иныхъ множество бояръ [6953].***

Примеров финитного оформления всего семь:

*В Новѣградѣ же бысть мятежъ великъ: не бяше бо князя Ярослава, нѣ в Переяславли бысть тогда; и прииха князь ис Переяславля, и **изима плесковицъ** и посади их на Городици въ гридыници; и посла въ Плесковъ, рекии имъ [6740];*

*И князь Александръ зая вси пути до Плескова; и изгони князь Пѣсковъ, и **изима Нѣмци и Чюдь, и сковавъ, поточи в Новъгород [6750];***

*Того же лѣта, еще не дошедши князю Михаилу до города, **изимаша Игната Бѣска, и биша и на вѣцѣ, и свергоща его с мосту въ Волхово, творяща его перебѣт держаща к Михаилу [6824];***

*⟨...⟩ послаша Матфѣя Валфромѣвича, и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфромѣя посадница сына Остафьева, и Федора Авраамова с полки; и бѣхавши, изгониша Торжокъ безъ вѣсти, и **изимаша намѣстникъ Михаила князя Давыдовица, Ивана Рыбкина сына, и борцовъ, Бориса Сменова сына, и жены их и дѣти, и сковаша я [6848];***

*Того же лѣта пришедши Нѣмци в Корѣльскую землю и повоеваша 2 по-госта: Кюрецкыи и Кюоласкыи, и церковь сожгоща; и князь Костянтина с Корѣлою гнася по них, **и языкъ изима и присла в Новъгород [6904];***

*⟨...⟩ и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородчкому слову, чelобитъе прияша двинянъ, а нелюбя имъ отдаша, а **воевод заволочныхъ Ивана и Конана с другы изимаша**, овых смертию казниша, а Ивана и брата его Афанаса, Герасима, Родивона исковаша, кто во-диль Двинскую землю на зло [6906];*

*Воеваше князь Рославъ Олгович Рязаньскыи землю Литовьскую; и князь Семеонъ Олгердович, наихавъ на него, **самого князя Рослава изима и приведе князю Витовту, а вои его изби [6910].***

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую за данной ситуацией (притом какую угодно), не имеет того же прямого дополнения, глагол *изымати* оформляется только финитно:

*Ту же убаша Гаврилу Горислащиа воеводу, и плесковицъ в сугонъ много побиша, **а иныхъ рукама изимаша; и пригонивши под город, и зажгоща посадъ весь [6748];***

*И поиде князь съ своиими полки и с новгородци И прииед на землю ймьскую, овыхъ избаша, **а другихъ изима силою честнаго креста и святыя Софія; прииода новгородци съ княземъ Александромъ вси здрави [6764];***

⟨...⟩ побѣгоша Нѣмци в город, и убиша ту нѣсколко Нѣмецъ, и волость около города воеваша и пожъгоша, а Нѣмецъ иссѣкоша много, и **жсонъ и дѣтии, а иных живых изимаша**; и приихаша в Новъград вси здрави [6859];

А в то время наславъ князъ великии Василии Дмитриевич бояръ своихъ Александра Поля, Ивана Марина на Торжокъ воиною въ 300 человѣкъ; изимаша Семеона Васильевича и Михаилу Фефилатова на крестъномъ цѣлованіи, и животы ихъ изъ святого Спаса поимаша [6909];

⟨...⟩ выбиша е ис товаръ; и побѣгоша Нѣмци къ городу, и убиша новгородцы два воеводѣ, а **третии руками изимаша**, а коневъ отъяша 700, и приидоша вси здрави [6725];

Выидоша галицане противу, и Чехове и Ляхове и Морава и Угре, и съступиша полкове; и пособи Богъ Мъстиславу, и въ город Галицъ воиде, а королевица руками изима и жену его, и взя миръ съ королемъ [6727].

Статистика для глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 2.

Таблица 2

Предикация	и-прич. в им. п.	Финитно
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение	4 (36%)	7 (64%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения	—	6

Възяти

Данный глагол в НПЛ употребляется весьма широко как в прямом значении «взять в руки», так и в значениях типа «начать владеть, распоряжаться и т. п.» [Срезневский, I: 373 и далее; СлРЯ XI—XVII вв.: II, 166]. (При этом прямым объектом обозначаемого им действия почти никогда не бывает человек — по этому признаку данный глагол оказывается дополнительно распределенным с близким к нему по значению яти¹⁰.)

¹⁰ Исключений всего четыре: *В се же время изиде дци фараоня Фермуфии купятыся, и видѣ отрочя плачущеся, и взя и пощадѣ* [речь Философа]; *повелѣ цесарь ражающицяся дѣти жидовъскыя вмѣтатѣ в рѣку. Мати же Моисиева, убоявшия погубленіа, вземши младенецъ, вложи въ крабицю, и изънесъши, постави въ лузѣ* [речь Философа]; *Князъ же Иванъ прииха въ Новъгород, и не поиха къ новгородцомъ въ Ладогу. А въ то время Магнушъ король взя Орѣховецъ на Спасовъ день; Авраама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взяль къ собѣ, а иныхъ всѣхъ пустиль изъ городка, а самъ поиде отъ городка прочь [6856];* потом *сташа на нихъ велневицѣ съ юрьевци и избилища Чюди 14000, а избытокъ убѣжжа въ Островъскую землю; тамо по нихъ ходиша велневици въ Островъскую землю, ихъ же не взяша, но сами биты отъиоша [6852].*

Для этого глагола так же, как и для других рассматриваемых глаголов, именительных самостоятельных в исследуемом тексте нет, поэтому остановимся подробно только на тех синтаксических контекстах, где предикация с данным глаголом является не последней из относящихся к одному подлежащему, — появление причастий возможно только в них.

Для исследования разделим употребления глагола на группы не просто в зависимости от того, какое значение имеет глагол, но и от того, каково его прямое дополнение. Именно от того, с каким дополнением употребляется глагол, зависит то, какие сочетания ситуаций являются ожидаемыми, стереотипными (иными словами, когда предикация может быть pragматически невыделенной по отношению к следующей).

Разберем вначале те случаи, когда прямым объектом действия, обозначаемого глаголом, является некий предмет, который можно взять в руки, — при этом ограничения на употребление *ш*-причастия оказываются теми же, что и для однокоренных глаголов *яти* и *изымати*. В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение (а это в данном случае значит, что ситуации сочетаются ожидаемым образом), употребляются *ш*-причастия данного глагола (всего семь примеров):

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдѣ, и вземши, снѣсть, и дастъ мужеви своему, и оба ядоста [речь Философа];

⟨...⟩ повелѣ цесарь разсающиа дѣти жидовъскыя вмѣтатѣ в рѣку. Мати же Моисиева, убоявшися погубления, вземши младенецъ, вложи въ крабицю, и изънесъши, постави в лузѣ [речь Философа];

Пренесоша святая страстотерпца Бориса и Глѣба.... Въземши бо первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволод, вземши на рама своя и понесоша, предидущими чернци [6580];

Посем же, вземши Глѣба в рацѣ камени, въставши на сани; имше за ужа, везоша и [6580];

⟨...⟩ повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, вземши носило и изнесъши, поставши прямо церкви [6582];

И посемь вземши братья, и несоша его в келию [6582].

В одном случае в таком контексте появляется и аорист:

В се же время изиде дци фараона Фермуфии купятся, и видѣ отрочя плачущеся, и взя и пощадѣ [речь Философа].

В тех случаях, когда следующий глагол не имеет того же прямого дополнения, что и данный, но при этом данное прямое дополнение — оружие

Но в первых двух из этих примеров младенец рассматривается не как человек, так как он не способен в данной ситуации как-либо отреагировать. В третьем примере глагол употребляется в особом сочетании «взять с собой (в дорогу)». Настоящее исключение представляет собой только последний пример.

или крест, предикация с глаголом *възяти* тоже оформляется *и*-причастием. Примеров на подобного рода контекст тоже немного (всего пять):

*⟨...⟩ и хотяху побити епископа Федора. И епископъ же Федоръ, **вземиши честныи крестъ** и оболчеся в ризы, и ста пред народомъ [6579];*

*И пришед святитель ста посредѣ мосту и, **вземъ животворящий крест**, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честныи крестъ, плакахуся [6926];*

*«...Не дам сына своего бѣсомъ». Они же, шедши, повѣдаша людемъ; абие же онѣ народѣ, **вземише оружье**, поидоша на нь и обоидоша дворъ около его [6491];*

*И бысть, яко изидоста, и абие въставши Каинъ хотяше убити и не умѣаше, како убити. И рече сатана: «**вземъши камень**, удари Авеля, и уби его» [речь Философа];*

*Глѣбъ же, **въземъ топоръ под скуд**, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хощеть быти, что ли вечеръ»... Глѣбъ же, вынимъ топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людье разиошаася [6579].*

Действием фактора прагматической невыделенности (ожидаемости) такое употребление не объясняется.

В том случае, когда прямое дополнение — предмет, который можно взять в руки и притом часть тела, и оно не является прямым дополнением глагола, обозначающего следующую ситуацию, предикация оформляется финитно. Таких примеров всего два:

*Поиде Святославъ в порогы, и нападе Куря, князь Печенѣжьскыи и убиша Святослава, и **взяша главу его**, и во лбѣ его сдѣлаша чашю и пиаху изъ неи [6480];*

*И възложи Богъ сонъ на Адама, и успе Адамъ; и **взя Богъ едино ребро у Адама**, и сътвори ему помощницю жену и приведе ю къ Адаму [речь Философа].*

Далее разберем случаи, где прямым объектом являются деньги или какие-то иные ценности, являющиеся военной добычей.

Примеров на такие контексты, где бы при этом следующий глагол имел то же дополнение, что и данный, нет. В тех же случаях, когда следующая ситуация есть ситуация движения со взятым (чаще — удаления захватчика с добычей, так что можно сказать, что эти ситуации сочетаются ожидаемым образом), возможно употребление *и*-причастий. Причастных примеров всего четыре:

*Послаша к нему злато и паволокы и мужса мудра, и рѣша ему: «глядай взора его и лица его и смысла его». Он же, **вземъ дары**, иде къ Святославу [6479];*

*«...идеть вы Святославъ в Русь, **вземъ имѣние много** у Грѣкъ и полонъ бецисленый, с маломъ дружины». Слышавши же Печенѣзъ и заступшиа Печенѣзи порокы [6479];*

*Идоша (новгородцы) ис Кыева къ Чернигову, и стоявше 12 дни, и взяша миръ, и **възмеше дары**, придоша в Новъгород въси здрави [6722];*

*⟨...⟩ почаша ъздити оканни по улицамъ, пишище домы крестиянскыя... и отъихаша оканни, **възмеше число**, а князь Александръ постѣ поиха, а сына своего Дмитрия посадивъ на столѣ [6767].*

Примеров на финитные формы в таком контексте три:

*Володимиръ же посемь поимши цесарию и Анастаса и попы корсуньскыя, съ мощами святого Клиmenta и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя и иконы на благословение собѣ, ... И **взя же**, идущи, мѣдянѣ дѣти катац и 4 конѣ мѣдяны, яже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко ужес не вѣдуще мѣнять я мраморянѣ суща [6496];*

*«...не ходи ко граду и возми на нас дань, еже хощеши»; мало же бѣ не дошелъ Цесаряграда. И даша ему дань; он же и на убиеняя имаше, глаголя, яко «род его возметь». И **взя же дары многы**, и възвратися къ Переяславцу съ похвалою великою [6479];*

*⟨...⟩ биша с ними, и бяше новгородѣцъ 400, а суждалецъ 7000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородцовъ 15 мужъ, и отступиша новгородцы, и опять ся воротивши, **взяша всю дань**, а на суждальских смердехъ другую, и придоша въси здрави [6677].*

Еще один пример не учитываем, так как в нем употребление финитной формы может объясняться наличием противопоставления объектов глагола:

*Прииде князь Ярославъ от брата и со всею областю къ Колываню, и повоева всю землю Чудьскую, а полона приведоша бещисла, но город не взяша, **а злата много взяша**, и придоша въси здрави [6731].*

В таком контексте, где при этом глагол, обозначающий следующую за данной ситуацию, не является глаголом движения и не имеет того же прямого дополнения, употребляются только финитные формы. Всего примеров восемь:

*И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а в корабль по сороку мужъ. Самъ же **взя злато и паволокы**, и возложи дань [6429];*

*Изяславъ же иде в Ляхы съ имѣниемъ многымъ и съ женою, уповая богоатвствомъ многымъ, глаголя, яко «симъ наѣзу воя», **еже все взяша** Ляхове **у него**, показавше ему путь от себе [6578];*

*⟨...⟩ нѣ помощю божиєю единемъ приступлениемъ взять бысть, и люди многы града того овых побиша, а другыя изимаша живы, а иныи огнемъ пожжены, и жены и дѣти их; и **взяша товара бещисла и полона**; а мужа добра застрѣлиша с города, и Петра убиша Мясниковича [6770];*

*Татарове поидаша по них, биющи на 500 верѣсть до города до Киева, **а с города с Киева окупъ взяша 500 рублей** и намѣстники свои посадиша; а на Печерскомъ монастыри взяша окупъ 30 рублей. Тако бо Богъ навель поганых Татаръ на землю Литовьскую за высокоумье князя их [6906] и т. д.*

Глагол *възяти* также часто используется в сочетании *възяти миръ*. При этом если следующая ситуация есть ситуация движения (и опять же, ситуации сочетаются логично: заключить договор о мире и вернуться в освоенное), тоже используются и финитные, и причастные формы. Примеров на *и-причастие* всего четыре:

⟨...⟩ ходи князъ Ярославъ с новгородци и со плесковици и с новоторжьци и с ладожсаны и со всею областю новгородчкою к Полотску, и устрѣтоша полочанѣ с поклономъ на озерѣ Касоплѣ; и **вземише миръ**, възвратиша в Новгород [6705];

И приходи князъ Витовтъ со всею силою литовьскою къ Смоленску, и стоя под городом 4 недѣли, и биша пушками город, и отъиде от города, **съ княземъ Юрьемъ миръ вземъ по старинѣ**; а смолнянѣ **съ княземъ Юрьемъ бояръ** своих избира, которыи перевѣт держатъ ко князю Витовту [6909];

⟨...⟩ поиде князъ Михаило к Новугороду со всею землею Низовьскою... Князъ же Михаило, не дошед города, ста въ Устъянехъ; и тако **мира не взямя**, поиде прочь, не успѣвъ ничтоже, нь болиою рану въсприимъ; възвратиша назадъ [6824];

⟨...⟩ прииха князъ Андрѣи со пѣсковьскими послы и поиша из Новаграда **а миру не взямя** [6902].

Еще в одном случае в таком контексте используется финитная форма глагола:

И поиша новгородци ратью къ Пѣскову, и пѣсковици добиша чолом Новугороду, и **взяша миръ**, и воротиша от Солци [6898].

В таком контексте, где глагол *възяти* используется в сочетании *възяти миръ* и где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения, глагол *възяти* оформляется финитно. Примеров подобного типа всего четыре:

⟨...⟩ воиде Мѣстиславъ с братьемъ и с новгородци в Киевъ, и поклониша кияне, и посадиша в Киевѣ Мѣстислава Романовича, внука Ростислава. Идоша ис Киева къ Чернигову, и стоявше 12 днин, **и взяша миръ**, и въземиша дары, приидоша в Новъгород въси здрави [6722];

⟨...⟩ съступиша полкове; и пособи Богъ Мѣстиславу, и в город Галицъ воиде, а королевица руками изима и жену его, и **взя миръ с королемъ**, а сына его пусти, а самъ сѣде въ Галицѣ, а Володимирь Рюриковицъ в Киевѣ [6727];

То же слышавше плесковици, яко приведе Ярославъ полки, и убоявшеся того, **взяша миръ с рижсаны**, Новгород выложивши, ркующе: «то вы, а то новгородци; а намъ не надобѣ [6736];

Дмитрии бѣжжа ис Плескова во Тѣбрь, и присла в Торжокъ владыку тѣбрьскаго и Святослава с поклоном къ брату Андрѣю и к новгородцомъ, ссылающеся послы **взяша миръ**, а Волокъ опять Новугороду [6801].

(В последнем примере принимаем, что у предикации *Волокъ опять Новугороду* подразумевается сказуемое типа *отдали* или *договорились*.)

Есть очень большая группа употреблений данного глагола, где прямым объектом действия, обозначаемого им, является какая-либо местность, населенный пункт или укрепление. При этом если глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение (чаще всего это глагол *пожечи*, так что опять же ситуации связаны ожидаемым образом), могут употребляться и причастные, и финитные формы. Примеров на *и*-причастие всего два:

«...» княжь бояринъ Юрьевъ Глѣбъ Семеонович с новогородчкими бѣглицѣ... изъихаша в насадех безъ вѣсти в Заволочькую землю и повоеваша волость Борокъ Ивановых дѣти Васильевича, и Емлю и Колмогоры вземъ и пожгли, и боярь новгородчкых изимаша [6925];

Сѣви много искъкоша, а иных поимаша, а у города у Выбора охабенъ вземъ и пожъжгоща мѣсяца марта въ 26 [6919].

Еще в восьми случаях в таком контексте употребляются финитные формы:

Иде князь Ярославъ къ Плескову на Петровъ день, и новгородцы вмалѣ; и самъ сѣде въ Плесковѣ, а дворъ свои послѣ съ плесковици воевать, и шедши, взяша город Медвѣжью голову и пожгоща, и възвратишиася вси здрави [6700];

Того же лѣта постави Титмановицъ отии городокъ на сеи стороны Наровѣ; новгородцы же, бѣгавши, пожгоща и, и село его великое взяша и пожгоща [6802];

Тои же осени пришедши Нѣмци, взяша 7 сель у Ямьского городка и пожгоща [6905];

«...» ркоша своеи братии воеводам: «дажь, братие, тако сдумаль нашъ господинъ князь великии съ крестопреступники съ двиньскими воеводами, лучшии, братие, нам изомрети за святую Софію, нежесли въ обидѣ быти от своего князя великаго». И поиша на князя великаго волости на Бѣлоозеро, и взяша Бѣлоозерскіи волости на щитъ, повоевавъ, и пожгоща, и старыи городокъ Бѣлоозерскіи пожгоща [6905];

Того же лѣта князь Данилѣи Борисович, Низкняго Новагорода отчицъ старыи, взя столнии град Володимиръ, попленивъ и пожъжсе; а Татарове и церковь святую Богородицю златоверхую одраша [6918];

На ту же зиму прииде рать татарьская множество много, и взяша Тѣбрь и Кашинъ и Новоторьскую волость и просто ркующе всю землю Рускую и положиша ю пусту, токмо Новъград ублюде Богъ и святая Софія [6832];

Потомъ взяша Черную рѣку такоже всю, по Чернои приидоша къ городу Ванаю, городъ взяша и пожъгоща; а Немци вѣгоща в Дѣтиницѣ [6819] и т. д.

В контексте, отличающемся от вышеописанного только тем, что глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополне-

ния, что и *възяты*, используются почти всегда финитные формы. Таких примеров всего 48.

Иде Святославъ на Дунаи на Болгары. И бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городовъ 80 по Дунаю, и сѣде княжса ту въ Переяславци [6475];

Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣдѣ Ятвягы, и взя землио их. И прииде Кыеву, и творяще требу кумиромъ с людьми своими [6491];

Тои же зимѣ прииде Изяславъ Нову городу, сынъ Мъстиславъ, ис Кыева, иде на Юрга к Ростову с новгородци; и много воеваша людем Гюрговъ, и по Волзѣ взяша 6 городовъ, дажь и до Ярославля попустошиша, а головъ взяша 7000 и воротѣшася роспутья дѣля [6656];

В то же лѣто взя Святославъ Мъстиславич, внукъ Романовъ, Смоленскъ на щит с полочаны, на память святых мученикъ Бориса и Глѣба, исѣче смолнянъ много, а самъ сѣде на столь [6740];

(...) созвониша вѣче на Ярославѣ дворѣ, и убиша Иванка, а инии вѣбѣгоша въ Николу святыи; а заутра побѣжася к князю на Городище тысячкои Ратиборъ и Гаврила Кыяниновичъ а инии приятели его. И взяша домы их на грабление и хоромы рознесоша; а къ князю послана на Городище, исписавше на грамоту всю вину его [6778];

И стояща 3 дни и 3 нощи, волость труще, села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуще, взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку, и выидаша на море, и приидаша здрави в Новъгород [6819];

(...) стоя под Москвою самъ цесарь, а вои свои роспусти на Рускую землю. И взяша город Переяславль, Ростовъ, Нижнин Новъгород, Серпоховъ, и много христианъ посѣкоша, а иных в полонъ сведоша и воеваша и до Клина, до тѣбрьского рубежа, а все крестианъ сѣкуще, аки траву [6916] и т. д.

Отметим, что критерий наличия глагола движения, обозначающего следующую после данной ситуации, для подобных контекстов (с дополнением-местом) не работает. Это объясняется тем, что связь между предикациями с глаголом *възяты* и глаголом движения здесь иная: такой объект, как город или местность, в отличие от материальных ценностей или мирного договора, нельзя унести с собой, и таким образом данная ситуация с ситуацией движения (удаления) стереотипным образом никак не сочетается.

Исключением можно считать употребление данного глагола в сочетании *отъити не вземише* (города); таких примеров всего два:

(...) ходиша новгородцы съ плесковицѣ к Новому городку к нѣмечьскому и отъидоша не вземише зане биашть твердъ [6878];

(...) и застути Богъ и святая Софія свои домъ и отъидоша города не вземише [6889].

Возможно, в этом случае невзятие города осмысляется как некий результат, который остается при удаляющемся субъекте действия.

Также есть один пример на *и*-причастие не в сочетании *отъити не вземише*, который следует отнести к контексту подобного типа. В нем прямым объектом действия, обозначаемого глаголом *взятии*, является не город или местность, а укрепление:

*Того же дни иде князь Мъстиславъ с новгородци на Чюдь на Ереву, сквозъ землю Чудьскую к морю, села их потрати и осѣкы ихъ **возмѧ**; и ста с новгородци под городомъ Воробииномъ, и Чюдь поклониша ему; и Мъстиславъ же князь взя на них дань, и да новгородцемъ дѣлъ чисти дани, а третьюю часть дворяномъ* [6722].

В примере, где прямым объектом действия, обозначаемого глаголом *възятии*, являются одушевленные лица и при этом глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения, что и *възятии*, предикация оформляется финитно:

*⟨…⟩ потом сташа на них велневицѣ съ юрьевци и избииша Чюди 14000, а избытокъ убѣжса в Островьскую землю; тамо по них ходиша велневици въ Островьскую землю, **ихже не взяша**, но сами биты отъидаша* [6852].

Есть еще один неоднозначный пример на *и*-причастие данного глагола, где причастный оборот, видимо, описывает ту же ситуацию, что и предыдущий (*пакости подѣя*) (иначе же, если он описывает другую ситуацию, его употребление можно объяснить действием механизма переинтерпретации, когда причастие появляется потому, что речь идет о завхватчике, взявшем военную добычу):

*Новгородци же послаша по Михаила, а Юрьи съ князи поиде с Торжьку, и много имъ пакости подѣя, **възмѧ у них 7000 новую*** [6732].

Статистика для глагола *възятии* (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 3.

Таблица 3

Предикация	<i>и</i> -прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — предмет, тот же, что и у следующей ситуации	6	—
Прямой объект — предмет (оружие или крест), не тот же, что у следующей ситуации	5	—
Прямой объект — предмет (часть тела), не тот же, что у следующей ситуации	—	2
Прямой объект — нечто материально ценное; глагол, обозначающий следующую ситуацию, — глагол движения	4 (50%)	4 (50%)
Прямой объект — деньги или материальные ценности; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения и не имеет того же прямого объекта	—	10

Предикация	<i>и-прич. в им. п.</i>	Финитно
Дополнение — <i>миръ</i> ; глагол, обозначающий следующую ситуацию, есть глагол движения	4 (80%)	1 (20%)
Дополнение — <i>миръ</i> ; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения и не имеет того же прямого дополнения	—	4
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; то же прямое дополнение у следующего глагола	2 (20%)	8 (80%)
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не <i>отъити</i>	1 (8%)	48 (92%)
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; глагол, обозначающий следующую ситуацию, — <i>отъити, възяти</i> употреблен только с отрицанием	2	—

Пояти

Данный глагол отличается от *възяти*, в частности, тем, что в рассматриваемом летописном тексте прямым объектом действия, обозначаемого им, бывают, как правило, люди (см. также [Срезневский, II: 1340—1342; СЛРЯ XI—XVII вв., XIX: 94]), поэтому контексты, где он встречается, делятся на гораздо меньшее, чем для *възяти*, количество типов.

Точно так же, как и для других исследованных глаголов, рассмотрим только те контексты, где данный глагол является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы этого глагола появляются только в них). При этом ограничения на употребление причастных форм данного глагола похожи на характерные для глагола *възяти*.

Глагол *пояти* в таком контексте, где его прямое дополнение совпадает с прямым дополнением глагола, обозначающего следующую ситуацию, встречается редко. При этом в одном случае он оформляется причастием:

*Он же рече: «мъстите своих». Они же *поимше*, убиша я и повѣсиша их на дубѣ; отмстие приимше от Бога по правдѣ. А Яневѣ идуши къ домовѣ своему* [6579].

Еще в одном случае — финитно:

*В то же лѣто собрася всь град людии, изволѣша собѣ епископомъ поставить мужа святыя и Богомъ избрана именемъ Аркадиа; и шед всь народ, *пояша из манастиря святыя Богородица, и князь Мъстиславъ Юрьевич*, и весь крилосъ святыя Софія, и вси попове городстви, игумены и чернцы, и введоша и* [6664].

Здесь между предикацией с *пояша* и следующей вставлена часть подлежащего, тогда как объект при глаголе *пояти* опущен.

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую за данной ситуацию, есть глагол движения, глагол *пояти*, обозначающий здесь «при соединить к себе» и иногда сопровождаемый сочетанием *съ собою* (ситуации, таким образом, тоже сочетаются ожидаемо), оформляется чаще всего причастно. Есть всего 16 таких примеров:

А Олга же поимши мало дружины и легко идущи приде къ гробу его и плакася по мужи своеи плачемъ велиимъ [6453];

И яко уже скопишаася вои и выслышася изъ города къ воеводѣ рекии тако «поиди въ город поемши со собою 12 мужа» [6701];

Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Торжокъ понявши съ собою Твердислава Михаиловича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу, и много боляръ, и одаривъ, присла въ Новъгород; а самъ сѣде на Торжкью [6722];

«...» еже есть по обычаяу нашему, створите князю Михаилу, то по томъ пред мя приведите его». Оним же шедшимъ к Михаилу, глаголюще ему: «цесарь Батыи зовет тя». Он же поимъ Федора, воеводу своего, идяше с нимъ [6753];

Тогда же Андрѣй князь поиде из Новагорода, поимя съ собою новгородцовъ, Смена ? Михаиловича и иных муже старѣших, иде въ Володимиръ [6790] и т. д.

Есть только один финитно оформленный пример на подобный контекст:

«...» ркоша: «земля наша велика и обицна, а наряда у нас нѣту; да поиѣтъ къ намъ княжитъ и владѣть нами». Избрашася 3 брата съ роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Нову-городу [6352].

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения и не является глаголом движения, могут использоваться и финитные, и причастные формы. Есть один причастный пример:

Володимиръ же посемъ поимши цесарию и Анастаса и попы корсуньскыя, съ моющими святого Клиmentа и Фива, ученика его, и поима съ суды церковныя и иконы на благословение собѣ, и постави церковь въ Корсунѣ на горѣ, иже сыпаша средѣ града, крадуще приспу; сиа же церкви стоять и до сего днѣ [6496].

В данном случае ситуация, обозначаемая глаголом *пояти*, и следующая связаны только тем, что имеют общего участника, обозначаемого подлежащим, т. е. pragmatической невыделенностью предикации употребление причастия объяснить нельзя. Оно может объясняться разве что тем, что, так как данный глагол чаще всего употребляется в причастной форме и перед глаголом движения, автор пассажа (или последующий редактор, менявший порядок предикаций) «привык» к данному глаголу в причастной форме.

Еще в трех случаях при этом используются финитные формы:

*И целоваша послы крестъ; а тамо ъздивъ, Лазарь Моисѣевич водилъ ихъ къ кресту, пискуювъ и боясихъ дворянъ, яко не помогати имъ колыванчомъ и раковорцемъ; и **пояша на свои руки мужа добра из Новагорода Семьюна, цѣловавше крестъ** [6776];*

*<...> а князь с новгородци посылаху к нимъ, просяще голку, нь Богъ свою милостью болии крови не пролья крестияньстѣ: слипали бо ся бяху на матѣ часу, и убираша ихъ новгородци близъ трехъ сотъ, а сами вси здрави и воспятишася; и **пояша князя самого Святослава в Новъгород**, а Ярополка посадиша на Новѣмъ торгу; и вниде Святославъ великии Всеволодицъ в Новъгород [6688];*

*Оженисѧ князь Александръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ, и **поя в Полочьскѣ у Брячислава дщерь**, и вѣнчасѧ въ Торопцѣ; и ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую [6747].*

Статистика для глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 4.

Таблица 4

Предикация	и-прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект тот же, что и у следующей ситуации	1 (50%)	1 (50%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, есть глагол движения	16 (94%)	1 (6%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения и есть глагол движения	1 (25%)	3 (75%)

Приняты

Данный глагол имеет достаточно широкий круг значений («получить в руки», «получить в распоряжение», «воспользоваться», «встретить», «подвергнуться» и т. д. [Срезневский, II: 1502—1504; СлРЯ XI—XVII вв., XIX: 235 и далее]); в отличие от уже исследованных родственных ему глаголов он нередко обозначает и неконтролируемые ситуации. При этом так же, как и для *възяти*, имеет смысл классифицировать употребления данного глагола прежде всего в зависимости от того, каково его прямое дополнение.

Рассмотрим только те контексты, где данный глагол является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы этого глагола появляются не в них только в нескольких случаях, которые не будем сравнивать с другими).

В таком контексте, где дополнение исследуемого глагола — предмет или нечто, что можно взять в руки (глагол оказывается, таким образом, си-

нонимом *възяти*), и при этом объект действия может считаться участником следующей ситуации, глагол оформляется причастно. Таких примеров всего четыре:

*⟨...⟩ пошли к нему оружье браньное». Онъ же послуша его, и послаше ему мечь и иное оружье. Слу же цесареву принесъши къ Святославу, он же **приимъ**, нача любити и хвалити и цбловати, [яко самого] цесаря [6479];*

*И рече Авраамъ: «искуши богы отца своего... И **приимъ** Аврамъ огнь, зажъже кумиры въ храминѣ. Видѣ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымыщати идолы; самъ сгорѣ ту [речь Философа];*

*⟨...⟩ повелѣ хлѣбомъ служитѣ, и преда апостоломъ, и **приимъ** хлѣбъ, и рекъ: се есть тѣло мое, ломимое за вы; такоже и чаю **приимъ**, рече: се есть кровь моя новаго завита [6494].*

(Последний пример не является точной новозаветной цитатой, но во фрагментах соответствующего содержания — Мф 26: 6; Мк 14: 22; 1 Кор 10: 16; Лк 22: 19 — используется именно причастие *приимъ*.)

В таком очень узком контексте, где прямое дополнение глагола *приняти* — мнишькыи чинъ, а глагол, обозначающий следующую ситуацию, — *преставитися*, предикация с данным глаголом инвертируется относительно обозначающей следующую ситуацию и используется только причастная форма этого глагола. Обе ситуации при этом тоже сочетаются ожидаемым образом (принадлежат одному социокультурному фрейму). Данный контекст отличается от всех прочих тем, что следующая ситуация является неконтролируемой, а причастная предикация обозначает связанное с ней контролируемое действие и, видимо, поэтому оказывается в постпозиции. Всего таких примеров восемь:

*Того же лѣта преставися Мирошка, посадникъ новгородчкыи, **приимъши** мнишькыи чинъ, и положенъ бысть въ монастырѣ святого Георгия [6712];*

*Преставися посадник новгородчкыи Михалко, маа въ 18, **приимши** мнишькыи чинъ, и наркоша имя Митрофанъ [6712];*

*Преставися княгиня Ярославляя, у монастыри святого Георгия **принявши** мнишккыи чин; и аbie ту положена бысть [6751];*

*⟨...⟩ того же лѣта преставися посадникъ Василии Федоровичъ **приимши** мнишькыи чинъ мѣсяца июня и положиша у святого Николы [6900] и т. д.*

Данный глагол употребляется, разумеется, и в других значениях, которые мы перечислим. (При этом ни в одном случае нельзя сказать, что ситуации сочетаются ожидаемым образом, но причастное оформление изредка оказывается возможным.)

В таком контексте, где рассматриваемый глагол имеет значение «согласится (с просьбой или предложением)», дополнениями его, соответственно, являются *мольба, чelобитъе* и т. п., и где следующий глагол (относящийся к тому же подлежащему) обозначает действие субъекта, по которо-

му становится ясно, что он согласился, используются финитные формы. Всего найдено пять примеров, иллюстрирующих указанный контекст:

⟨...⟩ благослови я, рекъ: «дѣти, не доспѣти поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитеся бится». *И прияша слово его, и разидоша* [6868];

⟨...⟩ послаша послы к великому князю с чelобитъемъ о старинѣ, а к митрополиту послаша грамоту человальную; и митрополит словом повѣстваше: «язъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ с васъ снимаю, а васъ благословляю»; а князь великии **новогородчкое чelобитъе принялъ и взя миръ по старинѣ** [6901];

⟨...⟩ вышедши двинянѣ ис городка, и начаша бити чelомъ съ плачемъ воеводам и всѣмъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородчкому слову, **чelобитъе прияша двинянъ, а нелюбя имъ отдаша** [6906];

⟨...⟩ а послы от Новаграда чelобитъе; рекъ тако: «чтобы еси, господи-не и сыну, князь великии, **мое благословение и слово добро принялъ, а новогородчкое чelобитъе**, а от Новагорода от своихъ мужсии от волныхъ нелюбье бы отложи-ль, а принялъ бы еси въ старину; а при твоемъ бы, сыну, кня-женыи промежи крестиянъ другое бы кровопролитье не учинилося бы» [6905];

И послаша новгородцы послы, зовуше в Новъгород: анхимандрѣта Лаврентиа, и Федора Твердиславя, Луку Валфромѣва и онъ **молбы не принялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не далъ** [6841].

Есть один похожий контекст, но такой, в котором глагол, относящийся к тому же подлежащему, обозначает ситуацию, по которой неясно, что действующее лицо не послушалось просьбы (и именно этим данный пример отличается от предыдущих, где информация о том, что субъект согласился с просьбой, фактически дублируется). В таком контексте употребляется *и-причастие*:

⟨...⟩ благослови я, рекъ: «дѣти, не доспѣти поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитеся бится». *И прияша слово его, и разидоша* [6868];

⟨...⟩ послаша послы к великому князю с чelобитъемъ о старинѣ, а к митрополиту послаша грамоту человальную; и митрополит словом повѣстваше: «язъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ с васъ снимаю, а васъ благословляю»; а князь великии **новогородчкое чelобитъе принялъ и взя миръ по старинѣ** [6901];

⟨...⟩ вышедши двинянѣ ис городка, и начаша бити чelомъ съ плачемъ воеводам и всѣмъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородчкому слову, **чelобитъе прияша двинянъ, а нелюбя имъ отдаша** [6906];

⟨...⟩ а послы от Новаграда чelобитъе; рекъ тако: «чтобы еси, господи-не и сыну, князь великии, **мое благословение и слово добро принялъ, а новогородчкое чelобитъе**, а от Новагорода от своихъ мужсии от волныхъ нелюбье бы отложи-ль, а принялъ бы еси въ старину; а при твоемъ бы, сыну, кня-женыи промежи крестиянъ другое бы кровопролитье не учинилося бы» [6905];

любье бы отложиль, а принялъ бы еси въ старину; а при твоем бы, сыну, княжены промежи крестиянъ другое бы кровопролитье не учинилося бы» [6905];

И послаша новгородци послы, зовуще в Новъгород: анхимандрѣта Лаврентиа, и Федора Твердиславя, Луку Валфромѣва и онъ молбы не принялъ, а ихъ не послушаль, а миру не даль [6841].

В контексте, где прямой объект действия, обозначаемого данным глаголом, — люди, т. е. речь идет о приеме гостей или послов, используются только финитные формы. При этом следующая за данной ситуацией может быть какой угодно. Подобных примеров всего 11:

Древляномъ же пришедшими къ Кыеву къ княгинѣ Ольги, и прияше Ольга въ честь деревьских муж, и повелѣ на них мовь створити: «измышился, приойте ко мнѣ» [6453];

На вербьнице прииде князь Юрьи къ Кыеву и сѣде на столѣ, а Изяславъ изъбѣжъ Давыдовицъ к Чернигову; и прия Юрьи сынъ его в миръ с любовию, и волости имъ раздая достоинъя [6663];

И прия Всеволод посадника Мирожску и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти их в Новъгород, а самъ послаше в Половци [6703];

Тои же осени поиде князь Михаило Тѣбрьскыи в Орду, ища великаго княжения. А в Новъгород приихаша князь Патрикии Нариманович, и прияша его навгородци, и даша ему кормление [6891] и т. д.

В контексте, где дополнение исследуемого глагола — *власть*, он оформляется финитно. Примеров на такую конструкцию всего три (все принадлежат древнейшей части летописи):

По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия властъ единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ [6352];

И виед Ярополкъ въ градъ Олговъ, и прия властъ его; и послана искати брата своего; искавше его, не обрѣтоша [6485];

⟨...⟩ и умре Моиси на горѣ. И прия властъ Иисус Навгинъ; и сеи прииде в землю обѣтovanную [речь Философа].

Прагматически невыделенной предикацией в этом случае тоже не назовешь.

Есть примеры, где речь идет о получении субъектом того или иного вреда. Ожидаемых сочетаний ситуаций в этом случае тоже нет:

Егда же сбыстся проречение сих, снide на землю, распятie прия волею, въскресъ и на небеса взиде [речь Философа];

⟨...⟩ злодѣи исперва не хотѧ добра, завистъ вложи людемъ на архиепископа Митрофана съ княземъ Мъстиславомъ, и не даша ему правитися и ведоша и в Торопецъ; онъ же то прия с радостию яко Иоан Златоустыи и Григории Акраганьскыи, тую же въсприяты скрбь и печаль, славя и благодаря Бога [6719];

⟨...⟩ лишиша посадничества: немощенъ бо бяше; и даша посадничество Иванку Дмитровичю; в тои же немощи пребысть 7 недѣль, и **прия и большюю немощь**; и утаивъся жены и дитии, и аbie поиде в монастырь къ святѣи Богородици въ Аркажь [6728].

Один из этих примеров отличается от всех прочих тем, что предикация с исследуемым глаголом является прагматической презумпцией: повторяет уже сообщенную информацию. При этом как раз используется причастие:

*Князь же Михаило, не дошед города, ста въ Устьянехъ; и тако мири не возмѧ, поиде прочь, не успѣхъ ничтоже, нь болиою рану въсприимъ; възвратися назадъ, и заблудиша во озерахъ, в болотех... придоша пѣши в домы своя, **приимши рану**, якоже древле иерусалимлянѣ [6824].*

В таком контексте, где речь идет о принятии веры или крещения, появляется финитная форма:

*Быль убо князь Витовтъ прежде крестианъ, а имя ему Александръ, и отвержеся правовѣрныя вѣры и крестиянства и **прия лятскую вѣру**, церкви святѣи превратиша на богомеръское служение [6907].*

В похожем случае, где предикация при этом тоже является прагматической презумпцией, используется причастие:

*Царь же послуша словесѣ сего и аbie крести ю (Ольгу) съ патриархомъ... И благословивъши патриархъ со вселенъскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши еи пакы къ Кыеву, **принявиши святое крещеніе и божественныя дары въ Цесарьскомъ градѣ от честнѣшаго патриарха** [6463].*

Есть еще несколько редких употреблений рассматриваемого глагола в других значениях (в основном в цитатах из церковнославянских текстов), но к ним в этой работе не будем обращаться: примеров на каждый контекст слишком мало.

Статистика для исследованных употреблений данного глагола показана в таблице 5.

Таблица 5

Предикация	и-прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — вещь	4	—
Прямой объект — просьба, предложение; следующая ситуация — подтверждение данной	—	5
Прямой объект — просьба, предложение; следующая ситуация не есть подтверждение данной	1	—
Прямой объект — люди (гости, послы)	—	11
В сочетании «преставися приимъши мнишъский чинъ»	8	—
Прямой объект — власть	—	3

Предикация	<i>и</i> -прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — тот или иной вред	—	3
Прагматическая презумпция, прямой объект — тот или иной вред	1	
Речь идет о принятии веры	—	1
Прагматическая презумпция, речь идет о принятии веры	1	—

В целом результаты данного исследования подтверждают, что глаголы одного лексического класса обнаруживают схожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные. Эти критерии связаны именно с критериями выделения фона нарратива. Для изученных глаголов это прежде всего прагматическая невыделенность (ожидаемое сочетание данной ситуации со следующей): только в случае, когда принадлежащая нарративной последовательности предикация является прагматически невыделенной по сравнению со следующей, в исследованном материале оказывается возможным употребление причастий. Для глаголов других лексических классов подобного рода правила не относятся к обязательному выполнению [Сахарова 2005; 2007]. Для исследованных в данной статье глаголов употребление причастий в фоновом контексте тоже не необходимо — стопроцентно это правило работает только в случае лексически устойчивых сочетаний, летописных штампов, в прочих же случаях возможно употребление и финитных форм.

Еще одна важная особенность изученных глаголов — то, что их причастия не встречаются в рамках именительного самостоятельного и вообще конструкций, где для *и*-причастия нет глагола-вершины традиционного типа. Объясняется это, видимо, тем, что исследованные в данной статье глаголы (в отличие от других глаголов из того же текста, рассмотренных в статье [Сахарова 2007]) просто в силу своей семантики не оказываются в таких контекстах, где прагматические закономерности употребления их причастий вступали бы в конфликт с синтаксическими факторами.

Можно считать, что исследованный материал подтверждает и типологическое наблюдение над употреблением деепричастий в случае объединения серии предикаций (см. разд. 1) — причастное оформление в нем не наблюдается в тех случаях, когда единственное, что объединяет две предикации нарративной последовательности, — это общность участника-подлежащего.

Впрочем, не все употребления краткого причастия объясняются именно ожидаемостью. Как и следовало ожидать, причастное маркирование может быть средством выделения прагматической презумпции (отсылки назад). Есть и определенные закономерности употребления краткого *и*-причастия, которые нельзя объяснить только исходя из синхронных прагматических критерии, — в данном случае это оформление причастием *прияти*, имеющим прямое дополнение определенного типа. (Ограничения употребления

ии-причастия, не объяснимые с помощью одних изучаемых дискурсивных параметров, есть, например, и для глагола *быти* [Сахарова 2007] — объяснить их можно только предположив, что они произошли в результате определенного переосмыслиния летописцами закономерностей употреблений причастий образцовых для них текстов.)

Разумеется, эти выводы, сделанные главным образом на основе результатов данного исследования, могут быть существенно дополнены при изучении употреблений других глагольных лексем и, что важно, других памятников — как летописей разных эпох, так и образцовых для летописца текстов. Такого рода исследования обогатили бы конкретными деталями описание языкового поведения древнерусского книжника и вписывались бы в актуальную проблематику изучения прагматических факторов в истории языка русской письменности, риторических и нарративных стратегий.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев 1987а — А. А. Алексеев. Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // ВЯ. 1987. № 2. С. 34—46.
- Алексеев 1987б — А. А. Алексеев. *Participium activi* в русской летописи: особенности функционирования // Russian Linguistics. Vol. 11. 1987. С. 187—200.
- Белоруссов 1899 — И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности // РФВ. Т. 41. 1899. С. 71—146.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Живов 1995 — В. М. Живов. *Usus scribendi* Ж Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. Vol. 19. 1995. № 1. С. 45—75.
- Живов 1998 — В. М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998: Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 212—247.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // ИОРЯС. 1923. Т. 24. Кн. 2. С. 207—239.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. М., 1982. С. 349—416.
- Лопатина 1978 — Л. Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. В. И. Борковский. М., 1978. С. 142—188.
- НПЛ 1950 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
- Руднев 1959 — А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 174. Л., 1959. С. 113—191.
- Сабенина 1978 — А. М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. В. И. Борковский. М., 1978. С. 328—361.
- Сахарова 2005 — А. В. Сахарова. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. № 2 (10). С. 250—266.
- Сахарова 2007 — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления кратких причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. 2007. № 2 (в печати).
- СлДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—10. М., 1988—2004—.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—24—. М., 1975—2006—.
- Срезневский I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1903.
- Степенко 1972 — А. Н. Степенко. Исторический синтаксис русского языка: Учеб. пособие. М., 1972.
- Шахматов 1929/2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1929 (цит. по изд.: М., 2001).
- Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.). *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium*, Eugene, Oregon, June 1984. Amsterdam, Philadelphia, 1987. P. 21—51. (Typological Studies in Language. Vol. 11)
- Corin 1995 — A. Corin. The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven. Bd. 42. 1995. № 1. P. 251—284.
- Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. 1981. № 3. P. 233—240.
- Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // Journal of Literary Semantics. 1983. XII/2. P. 19—53.
- Haiman, Thompson 1984 — J. Haiman, S. A. Thompson. ‘Subordination’ in universal grammar // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1984. P. 510—523.
- Haiman 1985 — J. Haiman. Natural syntax. Iconicity and Erosion. Cambridge, 1985 (Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 44).
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; N. Y., 1995. P. 1—55. (Empirical Approach to Language Typology. Vol. 13).
- Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Discourse and Syntax*. N. Y., 1979. P. 213—241. (Syntax and Semantics. Vol. 12).
- Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1984. P. 481—549.
- Longacre 1983 — R. E. Longacre. The Grammar of Discourse (Topics in Language and Linguistics). N. Y., 1983.

- Matthiesen, Thompson 1988 — C. Matthiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and ‘subordination’ // J. Haiman and S. A. Thompson (eds). Clause Combining in Grammar and Discourse. Amsterdam, Philadelphia, 1988. P. 350—389 (Typological Studies in Language. Vol. 18).
- Nedjalkov 1995 — V. Nedjalkov. Some typological parameters of converses // M. Haspelmath, E. König (eds). Converses in Cross-Linguistic Perspective. Berlin; N. Y., 1995. P. 97—136 (Empirical Approach to Language Typology. Vol. 13).
- Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A Revision of the Foreground-Background Distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электрон. ресурс]. <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000].
- Růžička 1963 — R. Růžička. Das syntaktische System der Altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Tomlin et al. 1997 — Discourse Semantics / R. S. Tomlin, L. Forrest, Ming Ping Pu and Myung Hee Kim // T. A. van Dijk (ed.). Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 1. London; Thousand Oaks; New Delhi, 1997. P. 63—111.
- Večerka 1961 — R. Večerka. Syntax aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961.
- Wårvik 2002 — B. Wårvik. On Grounding in Narrative: A Survey of Models and Criteria. Turku, 2002 (English Department Publications. Vol. 5).
- Worth 1994 — D. S. Worth. The dative absolute in the *Primary Chronicle*: some observations // Harvard Ukrainian Studies: Special issue. Ukrainian Philology and Linguistics. Vol. XVIII. 1994. № 1/2. P. 29—46.